

Категории населения Новгорода в опасной грамоте 1472 г.*

Strata of the Novgorod Population in the *Opasnaia Gramota* of 1472

Павел Владимирович Лукин

Институт российской истории РАН
(Москва)

Pavel V. Lukin

Institute of Russian History of the
Russian Academy of Sciences (Moscow)

Резюме

Статья посвящена новгородским социальным терминам в опасной грамоте (документе, гарантировавшем безопасное пребывание послов за рубежом), датирующейся 1472 г. Сопоставление двух версий одного текста на разных языках позволяет сделать выводы о значении упомянутых в грамоте социальных терминов. Наибольший интерес вызывают упоминания житых людей, купцов и чёрных людей. Житы названы в ср.-н.-нем. переводе “зажиточными купцами” (*wolmagenden copluden*). Это, наряду с другими данными, приводит к предположению о том, что по крайней мере в 70-е гг. XV в. житы были владевшими землёй купцами. Складывается впечатление, что все житы были купцами, но не все купцы были житыми. Грамота показывает также, что в Новгороде XV вв. “чёрные люди” (в ср.-н.-нем. переводе: *de gemene lude*) было наименованием основной массы рядовых свободных горожан, а не какой-то особой группы населения. Средненижнегерманский перевод грамоты ясно свидетельствует о том, что его составитель считал купцов и купецких детей синонимами или очень близкими понятиями, различающимися лишь незначительными нюансами, которыми можно пренебречь. И то, и другое он передаёт одним обозначением — *coplude kinderen*, отделяя их от купеческих старост — *oldesten copluden*.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00126а. В основе работы лежит доклад, сделанный автором 13 июня 2013 г. на VI круглом столе “Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе” (Институт славяноведения РАН, НИУ ВШЭ).

Ключевые слова

Новгород, социальная стратификация, Ганза, документальные источники, XV век, житьи люди, купцы, чёрные люди, средненижненемецкий язык.

Abstract

The article is devoted to a study of Novgorodian social terms mentioned in the *Opasnaia Gramota*, a charter which secured the inviolability of ambassadors during their stays abroad; the charter dates from 1472. There are two extant copies of this document: the original, written in Old Russian, and the contemporary Middle Low German translation. The Old Russian version was published by Anna L. Khoroshkevich in 1966. Now an edition of the Middle Low German translation is being prepared in Germany. By comparing two versions of the same text written in two different languages, one is able to draw some conclusions about the meaning of social terms mentioned in the charter. References to 'well-to-do people' (*zhitii liudi*), 'merchants' (*kuptsy*), and 'black people' (*chernye liudi*) are of particular interest. *Zhitii liudi* are called 'well-to-do merchants' (*wolmagenden copluden*) in the Middle Low German translation. Relying on this fact (along with other data), one can assume that at least in the 1470s, *zhitii liudi* may have been simultaneously merchants and landowners. In other words, one can imagine that all *zhitii* were merchants but not all merchants were *zhitii*. The charter shows also that the expression *chernye liudi* (in the Middle Low German translation: *de gemene lude*) in 15th-century Novgorod stood for the bulk of the common (but free) townsmen, and not for a particular group of the population that did not possess full rights. Finally, the Middle Low German translation of the charter clearly indicates that its author considered 'merchants' and 'merchants' children' to have been either synonyms or similar terms without any significant difference apart from some minor negligible nuances. He translates both with the same expression, *coplude kinderen*, and distinguishes them from 'merchants' elders' (*oldesten kopluden*).

Keywords

Novgorod, social stratification, Hansa, documentary sources, 15th century, *zhitii liudi*, merchants, *chernye liudi*, Middle Low German

В 1966 г. А. Л. Хорошкевич была опубликована опасная грамота (т. е. документ, гарантировавший безопасное пребывание послов за рубежом) Новгорода ганзейским послам из Рижского городского архива [Хорошкевич 1966: 331–332]. Исследовательницей она датировалась июнем 1471 – апрелем-маем 1472 гг. [там же: 327]. Н. А. Казакова убедительно ограничила её хронологические рамки 1472 г. [Янин 1991: 119–120, коммент. Н. А. Казаковой].

Нас будет интересовать, собственно, не вся эта грамота, а её начало или, согласно дипломатической терминологии¹, её *inscriptio* (обозначение адресата документа). Документ цитируется по любезно предоставленной нам С. В. Полеховым копии оригинала:

¹ См. о ней: [Каштанов 1988: 169–193].

К г(о)с(поди)ну пресвещенному архиепископу Великого Новагорода и Пскова вл(ады)кы Феофильу и посаднику степенному Григорьи Михайловичь и к старымъ посадникамъ и к тысячькымъ степенному Василью Максимовичь и к старымъ тысячькымъ, к бояромъ и к житьимъ и к купечькымъ старостамъ и к купчамъ и к купечькымъ детемъ и к чернымъ людемъ и ко всему нашему г(о)с(у)д(а)рю Великому Новугороду. . . [LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 12. Lp. 2].

Благодаря сравнению оригинала и публикации А. Л. Хорошкевич можно, во-первых, сделать вывод о весьма качественном характере последней (в рассматриваемом здесь фрагменте нами обнаружена лишь одна ошибка при передаче текста: вместо “феофильу” напечатано “феофилу”); во-вторых, о том, что публикатор опускала “ъ” в конце слов и не оговаривала раскрытия титл и внесения в строку выносных букв.

Формуляр этой грамоты своеобразен. Смысл опасной грамоты, как известно, состоит в том, что она выдаётся правительством принимающей стороны, которое гарантирует неприкосновенность послов партнёра. Между тем здесь мы видим, что на месте предполагаемой *intitulatio* (обозначение лица/лиц, от которого/которых исходит документ), стоит *inscriptio*. Как отмечает публикатор грамоты А. Л. Хорошкевич, она “несколько отличается по формуляру от предшествующих”. “Здесь, — продолжает исследовательница, — в начале вместо лица, кем выдана грамота, стоит нечто вроде обращения ко всем новгородским властям. [. . .] Примечательно подробное перечисление не только властей, но и всего населения Новгорода, включая чёрных людей”. По мнению А. Л. Хорошкевич, “никогда раньше в грамотах внешнеполитического характера чёрные люди не упоминались”. Также она считает, что “[н]икогда раньше новгородцы не называли свой город-республику так торжественно [наш государь Великий Новгород — П. Л.], ограничиваясь упоминанием “«всего Великого Новгорода»”. Такую терминологию (упоминание чёрных людей, наименование Новгорода “государем”) А. Л. Хорошкевич интерпретирует как “социальную демагогию, к которой прибегали новгородские бояре, чтобы объединить новгородцев против великого князя” [Хорошкевич 1966: 327]. Эти выводы нашли в целом поддержку со стороны Н. А. Казаковой [Янин 1991: 120, коммент. Н. А. Казаковой]. Тем не менее, не все их можно принять.

Стоит обратить внимание на формуляр хорошо известной (её копия даже выставлена в Новгородском музее) жалованной грамоты Соловецкому монастырю 1468 г. Она начинается со следующей фразы:

Господину преосвященному архиепископу Великого Новагорода и Пскова владыкы Ионы, господину посаднику Великого Новагорода степенному Ивану Лукиничю и старымъ посадникамъ, господину тысячкому Великого Новагорода степенному Труфану Юрьевичю и старымъ тысяцкимъ, и боярамъ, и житьимъ

людемъ, и купцемъ, и чернымъ людемъ, и всему господину государю Великому Новгороду, всимъ пяти концемъ, на вецѣ на Ярославлѣ дворѣ [ГВНП: № 96, 152].

Сходства очевидны, хотя есть и некоторые различия. Среди важных сходств, в частности, упоминания в обеих грамотах чёрных людей и “государя Великого Новгорода” (в грамоте Соловецкому монастырю — даже “господина государя Великого Новгорода”).

Обращает также на себя внимание и схожая адресация грамот. Правда, в грамоте Соловецкому монастырю далее читаем: “Се биша челомъ игумень Ивоня и всѣ старцѣ святаго Спаса и святаго Николы с Соловчевъ с моря акианя” [ТАМ ЖЕ]. Однако и в опасной грамоте после слов “к господину . . .” читается: “Се приехаше послове *от* Риге и *от* Юрьева и *от* Колывана и от всехъ семидесятъ городовъ и *от* треи [т. е. от Ганзы. — П. Л.] . . .” [LVVA. F. 673. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 12. Lp. 2].

Таким образом, формуляр опасной грамоты 1472 г. не выглядит уникальным.

В настоящее время в Германии готовится к изданию очередной, XIII том известной серии прибалтийских документов Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch, которая начала выходить ещё в середине XIX в. В этом томе должны быть изданы как раз документы 70-х гг. XV в. Среди подготавливаемых к публикации документов выявлена средненижненемецкая копия русской опасной грамоты 1472 г. О её существовании, впрочем, знала и А. Л. Хорошкевич и характеризовала её как “современный перевод на немецкий язык” [Хорошкевич 1966: 332]. Это действительно перевод, но не на немецкий (который является “потомком” средневерхненемецкого языка), а на средненижненемецкий язык — язык тогдашней северной Германии, *lingua franca* Ганзейского союза. Возможность ознакомиться с этим, ещё пока не опубликованным, документом была получена нами благодаря любезному разрешению со стороны издателя, проф. М. Тумзера, а также помощи и содействию со стороны М. Малинг (Берлин) и С. В. Полехова.

Параллельная средненижненемецкая версия представляет уникальную возможность посмотреть, как сами немцы понимали новгородскую терминологию и — в некоторых случаях — даёт дополнительную о них информацию. Переводы новгородских грамот на средненижненемецкий язык осуществляли, как это показано в работах Е. Р. Сквайрс, профессиональные толмачи в ливонских городах: Дерпте, Ревеле, Риге [Сквайрс, Фердинанд 2002: 93–94; SQUIRES 2009: 39–40].

Прежде всего, выясняется, что ганзейские переводчики упростили сложное начало документа и поставили *intitulatio* на своё место, что, в принципе, вполне понятно: скорее всего, они решили, что имеют дело с ошибкой, хотя, по-видимому, это не была ошибка:

Von deme dorchluchteden artzebysschoppe to Grote Nowerden unde van Pleskow byschoppe Feofilu unde werdigen potzadniken Gregorien Mycgailowytzen unde van den olden podsadn[i]cken unde tysadtzeken unde bayaren, van den wolmagenden copluden, oldesten copluden unde coplud[e] kinderen unde vann den gemenen luden unde van allen unsen herrschopp van Nowerden [LECUB, 13: 1472 Ende April / Mai oder 1471 Juni – 1472 April / Mai]².

Между двумя вариантами есть определённые различия, в них также присутствуют любопытные смысловые нюансы. В частности, в немецкой версии степенной посадник назван “почтенным” (*werdich*); вместо названного в русской версии по имени степенного тысяцкого и старых тысяцких указаны просто “тысяцкие” (*tysadtzeken*); опущен во втором случае эпитет Новгорода — “Великий” (*groten*). Но это частности. Так, определение *olden* (“старые”) могло относиться как к посадникам, так и к тысяцким.

Любопытнее другое. Житьи названы в переводе “зажиточными купцами” (*wolmagenden copluden*), что представляет исключительный интерес для характеристики этой в общем-то до сих пор довольно загадочной социальной группы; купеческие старосты названы “старейшими купцами” (*oldesten copluden*), а купцы и купецкие дети переданы одним обозначением — *coplude kinderen*, и наконец, чёрные люди в средненижнемецком переводе оказываются “простыми людьми” (*gemenen luden*).

Толмачи, переводившие русские документы в ливонских городах, находились в постоянном контакте с немецкими купцами, торговавшими в Новгороде, и, вероятно, с новгородскими купцами, бывшими частыми гостями в Ливонии. Поэтому их интерпретации новгородской терминологии в целом можно доверять. Из этой интерпретации следует, что, во-первых, немцы связывали перечисленные выше обозначения со вполне определёнными группами населения, отличающимися друг от друга в социальном и/или имущественном отношении; во-вторых, все эти группы, включая “простых людей”, составляют новгородский “политический народ” — “государь Великий Новгород” (*herschopp van Nowerden*). Характерно, что слово *herschop* идеально подходило для передачи весьма сложного понятия “государь Великий Новгород”, поскольку оно одновременно означало и власть как таковую (совр. нем. *Herrschaft*), и носителя высшей власти или властную верхушку (например, *de groten herschop*), и территорию, на которую распространялась власть (например, *de herschop van Brandenborch*) [МНWB, 2/1: 291–292].

Но вернёмся к житьям. В старой историографии они трактовались либо как верхний слой городского, посадского населения, либо как

² Документ цитируется с учётом оригинала, см. [LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 12. Лр. 3].

низшая — после бояр — категория аристократии. По словам В. О. Ключевского, это были “люди среднего состояния”, “стоявшие между боярами и молодчими, или черными людьми”. В то же время историк отмечал, что в новгородских памятниках житьи люди выступают не так ясно, как бояре [Ключевский 1987, 2: 74–75]³. В историографии советской после выхода весьма фундированной работы В. Н. Бернадского утвердилась точка зрения о том, что это были феодалы-землевладельцы, отличавшиеся от бояр не в социально-экономическом, а в правовом отношении [Бернадский 1961: 168–177]. Они, в отличие от бояр, не были допущены к высшим правительственным должностям, а согласно наиболее радикальному мнению В. Л. Янина, — за исключением “наиболее зажиточн[ой] верхушк[и]” — и к участию в вече [Янин 1982, 1 (11): 94]. В зарубежной литературе, за некоторыми, но очень важными исключениями (о которых ниже) житьи трактовались в духе старой русской историографии⁴.

В то же время уже высказывались предположения о связи житых и купцов. Богатейшими купцами житых считал ещё в 60-е гг. XIX в. И. Д. Беляев [1864, 2: 80–81]. К одному “сословию” их относил немецкий исследователь Ганзы П. Йохансен [JONANSEN 1953: 124]⁵. Весьма проницательные, на наш взгляд, суждения о статусе житых принадлежат К. Гёрке — немецкому историку, работающему в Швейцарии. По его мнению, житьи в значительной степени происходили из владевших землёй купцов [Гоенрке 1974: 363–365]. Эти оценки, однако, сколь бы справедливыми они ни были, делались на основе косвенных данных и логических соображений, которым могли быть противопоставлены другие косвенные данные и логические соображения. Рассматриваемый документ представляет собой не косвенное, а прямое свидетельство того, что ганзейские партнёры Новгорода, прекрасно знавшие, с кем имеют дело, считали житых именно купцами, причём купцами наиболее зажиточными.

В то же время житьи, как и бояре, были землевладельцами, иногда крупными. Это стало уже давно очевидным в результате изучения новгородских писцовых книг, и, в частности, хорошо показано в работе В. Н. Бернадского.

Сопоставление двух этих бесспорных фактов неизбежно приводит к мысли о том, что житьи, по крайней мере в 70-е гг. XV в., были

³ Подробнее об историографии XIX – первой половины XX вв. см. [Бернадский 1961: 166–168; LEUSCHNER 1980: 37–38].

⁴ Например, в новейшей работе, посвящённой древнерусскому праву, житьи охарактеризованы как “prominent citizens” (“выдающиеся горожане”) [FELDBRUGGE 2009: 265].

⁵ Ср., однако, критику этого предположения со стороны другого немецкого историка — К. Цернака [ZERNACK 1967: 187].

владевшими землёй купцами: владение землей отличало их в социально-экономическом смысле от обычных купцов, что для последних было, как показал тот же В. Н. Бернадский, скорее исключением [Бернадский 1961: 170], а принадлежность к купечеству отличала житейх от бояр. Иными словами, складывается впечатление, что все житейх были купцами, но не все купцы были житейхи. Это обстоятельство может, между прочим, объяснять ту социальную неоднозначность упоминаний купцов в официальных новгородских документах, по крайней мере, до середины XV в., которая уже была отмечена исследователями [Гоенрке 1974: 365; Алексеев 1979: 255–256; Leuschner 1980: 40–41; Мартышин 1992: 115–177]. Нельзя исключать того, что категория купцов могла пересекаться и даже частично или в значительной степени совпадать с другими социальными категориями: высшая — с житейхи, а низшая, возможно, — с чёрными людьми, как это уже предполагал К. Гёрке [Гоенрке 1974: 365]. В связи с этим можно вспомнить, что — как показано в целом ряде работ — в более раннее время (XII–XIII вв.) понятие “купцы” было, очевидно, весьма широким и включало в себя всё рядовое свободное городское население, и торговцев, и ремесленников⁶.

Не исключено, что ганзейские документы могут способствовать реконструкции социально-политического облика одного конкретного житейхого.

Хорошо известен длительный конфликт новгородца Ивана Кочерина, ведшего в начале XV в. активную торговлю в Прибалтике, со своими ганзейскими партнёрами. Конфликт был закончен в 1411 г., когда была подписана мировая грамота [ГВНП: № 51, 89–90]. Один из ганзейских документов прямо указывает, между прочим, на его участие в вече. Из послания, отправленного немецкими купцами в Новгороде в Ревель, которое предположительно датируется 6 декабря 1406 г., мы узнаём, что вернувшийся в Новгород купец Иван Кочерин тут же отправился на вече: “Как только Иван Кочерин вернулся домой, он тогда же был на вече. . .” (Also vro als Iwane Ketznerne to hus qwam, do was he in dem dinghe. . .) [HUB, 5: № 751, 393], где жаловался на немцев. Отсюда явно следует, что для него это было обычным делом. Иван Кочерин был человеком весьма зажиточным, так как он имел возможность зафрахтовать корабль [Goetz 1916: 195–196; 1922: 104; Валк 1956: 233].

В новгородских писцовых книгах, как отметил В. Н. Бернадский, упоминается как землевладелец на территории Деревской пятины некто Иов Кочерин. Он владел деревнями в Еглинском (Сеглинском) и Рутинском погостах и боярщиной в Бологовском погосте [НПК, 1, 890, 892, 894, 897, 898]. Можно согласиться с В. Н. Бернадским в том, что

⁶ См. подробнее об этом в [Флоря 2006; Лукин 2014: 170–174].

такое совпадение вряд ли случайно, и считать Иова потомком Ивана Кочерина. Другое предположение историка также продуктивно: поскольку земли Иова Кочерина не названы в писцовой книге купецкими, он, по его мнению, мог уже к тому времени входить “в ряды житьих, а может быть и бояр” [Бернадский 1961: 165]. Боярский род Кочериных вроде бы неизвестен, поэтому логично предположить, что Иов Кочерин принадлежал к житьим. Между прочим, житьим мог быть и его предполагаемый предок Иван Кочерин: мы видели, что житьих ганзейские партнёры Новгорода называли “зажиточными купцами”, а Иван Кочерин, безусловно — судя по тому, что он владел кораблём, — был весьма зажиточным человеком.

Таким образом, выясняется, что, судя по всему, были правы как те исследователи, которые считали житьих купцами, так и те, которые причисляли их к землевладельцам. Это были купцы-землевладельцы. Уступая в социально-политической иерархии, и довольно существенно, боярам⁷, житьи, несомненно, были политически полноправными людьми, о чём свидетельствует, помимо отмеченного выше участия в вече, и другие данные, например, участие их в суде [ДКУ: 161].

Ещё один любопытный момент в этом документе — наименование “чёрных” *den gemenen luden*. В принципе, наиболее типичное значение прилагательного *gemene* применительно к людям — “все”, т. е. оно охватывает всю какую-то общность в целом (например: *de gemene kopman* = “всё купечество в целом”; *de gemene borgere* = “вся совокупность горожан, горожане в целом” и т. д.) [МНWB, 2/1: 63]. Однако в этом случае это значение не подходит, и не только исходя из данных русского текста: в средненемецкой грамоте, как уже отмечалось выше, уже есть обобщающее определение всех новгородцев в целом: “*van allen unsen herrschopp van Nowerden*”. В известных нам грамотах, имеющих отношение к Новгороду, как собственно новгородских, так и ганзейских, такого дублирования не отмечается. Поэтому здесь естественно видеть другое значение, также отмеченное в словаре: “простые люди”, “простонародье”⁸.

Это упоминание может быть сопоставлено также с написанным на средневерхненемецком языке орденским документом 1421 г.⁹, в котором идёт речь о волнениях в Новгороде в конце лета того года, в ходе которых

⁷ Наиболее ясно это видно из Новгородской судной грамоты, согласно которой штраф за “наводку” (подстрекательство к нападению на суд); “наезд” (нападение) и грабёж во время земельных споров, который должен был выплачивать боярин, в 2,5 раза превосходил штраф за эти же преступления, присуждавшийся житьему. Штраф же “молодшего” человека был в два раза ниже, чем штраф житьего [ПРП, 2: 213]. На это обстоятельство неоднократно обращали внимание исследователи (см., например, [Флоря 2014: 31]).

⁸ О значении *en gem[ene] man=ein geringer mann* см. в: [МНWB, 2/1: 63].

⁹ На этот документ наше внимание также обратил С. В. Полехов.

“die gemeinheit sein obir die uppersten gefallen. . .” (“*die gemeinheit* напала на высших [людей] . . .”) [LECUB, 5: № 2545, 764]. Слово *gemeinheit* в северогерманском регионе могло означать не только “общность”, “общину”, но и рядовых горожан (в частности, оно применялось по отношению к жителям, не принадлежавшим к цехам и другим корпорациям) [DWB, 5: 3257]. Такое значение отмечено и в средненижненемецком языке [MHWB, 2/1: 65], распространённом как раз на севере Германии, и в том числе использовавшемся в это время в качестве официального письменного языка при сношениях с Новгородом в ливонских ганзейских городах. Поэтому в данном контексте это слово следует, вероятно, перевести как “простонародье”. Выражаясь “по-новгородски”, это сообщение можно передать очень чётко, ёмко и лаконично: “чернь встала на вячших” (*uppersten*, дословно: “высших”) ¹⁰. Как правильно отметил исследовавший данный документ И. Э. Клейненберг, это соответствует некоторым новгородским описаниям подобных конфликтов, в которых дело изображается так, что новгородское общество выглядит расколотым на два лагеря — чернь и бояр [Клейненберг 1972].

Помимо прочего, данные опасной грамоты позволяют думать, что в Новгороде XIV–XV вв. “чёрные люди” (*de gemene lude*) было наименованием основной массы рядовых свободных горожан, а не какой-то особой группы населения.

Нужно оговориться при этом, что речь идёт именно о моделях *описания* и, может быть, о представлениях: мы знаем, что социальная стратификация в Новгороде XV в. была значительно более сложной, а конфликты, которые могли быть одновременно социальными, и территориально-клановыми, носили более многогранный характер.

Стоит обратить также внимание на передачу в средненижненемецком тексте понятий “купцы” и “купецкие дети”. Их соотношение не прояснено в историографии. Высказывались разные соображения, которые, в принципе, могут быть так или иначе подкреплены косвенными данными наличных источников: купецкие дети — это дети купцов, в буквальном смысле слова (1); купецкие дети — это особый разряд купечества, например, купцы, получившие свой статус по наследству, а не внёсшие свой вклад в купеческую гильдию самостоятельно, как это предписывало “Рукописание Всеволода Мстиславича” ¹¹ (2); купецкие дети — синоним купцов (3) [Мартышин 1992: 117–118]. Средненижненемецкий перевод опасной грамоты ясно свидетельствует о том, что его

¹⁰ Ср. известную берестяную грамоту № 590: “Литва вьстала на Корѣлу” [Зализняк 2004: 244].

¹¹ Это предположение принадлежит А. И. Никитскому [1870: 208]. Установление, о котором идёт речь, см. в: [ДКУ: 161].

составитель считал купцов и купецких детей синонимами или очень близкими понятиями, различающимися лишь незначительными нюансами, которыми можно пренебречь. И то, и другое он передаёт одним обозначением — *coplude kinderen*, отделяя их от купеческих старост — *oldesten kopluden*. Этот документ не поддерживает, таким образом, “сложные” социальные интерпретации выражения “купецкие дети”. С другой стороны, здесь нельзя исключать и простого пропуска. Как показывают другие данные, ганзейские партнёры Новгорода могли и отделять купцов от купеческих детей. Так, в довольно близком по времени к рассматриваемому документу — обращении в Новгород собравшихся в Вольмаре представителей ливонских городов (август 1453 г.) — читаем:

Ghude gesuntheit dem hilgen vadere Eufemyen, ertzbysscoppe to Nouwgarden, dem borgermeistere unde den olden borgermeisters, den bayaren unde bayaren kinderen, den hertogen unde den oldermannes der coeplude unde den coepluden unde der coeplude kinderen unde den gemenen Grote Nouwgarden. . . (= Доброго здоровья святому отцу Евфимию, архиепископу новгородскому, посаднику и старым посадникам, боярам и детям боярским, тысяцким и купеческим старостам, и купцам, и купеческим детям и всему Великому Новгороду. . .) [HR von 1431–1476, 4: № 181, 122].

Здесь, как мы видим, присутствуют и купцы (*coeplude*), и купеческие дети (*der coeplude kindere*).

Таким образом, в какой степени свидетельство документа 1472 г. можно распространить и на прочие данные, и как этот вывод можно увязать со случаями, когда обозначение “купецкие дети” вроде бы имеет более узкое значение, — вопросы открытые и требующие специального исследования. Как бы то ни было, несмотря на все необходимые оговорки, становится ясной исключительная ценность для исследования общественно-политического строя Новгорода подобных опасной грамоте 1472 г. текстов-биллингв.

Сокращения

LIVVA — Latvijas valsts vēstures arhīvs (Государственный исторический архив Латвии).

Библиография

АЛЕКСЕЕВ 1979

АЛЕКСЕЕВ Ю. Г., “Чёрные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины)”, *Исторические записки*, 103, 1979, 202–274.

БЕЛЯЕВ 1864

БЕЛЯЕВ И., *Рассказы из русской истории*, Москва, 1864.

БЕРНАДСКИЙ 1961

БЕРНАДСКИЙ В. Н., *Новгород и Новгородская земля в XV веке*, Москва, Ленинград, 1961.

Валк 1956

Валк С. Н., “Новые грамоты о новгородско-псковских отношениях с Прибалтикой в XV в.”, *Исторический архив*, 1, 1956, 232–234.

ГВНП

Валк С. Н., ред., *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, Москва, Ленинград, 1949.

ДКУ

Щапов Я. Н., изд., *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.*, Москва, 1976.

Зализняк 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, Москва, 2004.

Каштанов 1988

Каштанов С. М., *Русская дипломатика*, Москва, 1988.

Клейненберг 1972

Клейненберг И. Э., “Ливонское известие о новгородском восстании 1421 г.”, в: *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сборник статей, посвященный Л. В. Черепнину*, Москва, 1972, 104–107.

Ключевский 1987

Ключевский В. О. *Курс русской истории*, 1–2 (= Он же, *Сочинения в 9 томах*, 2), Москва, 1987.

Лукин 2014

Лукин П. В., *Новгородское вече*, Москва, 2014.

Мартышин 1992

Мартышин О. В., *Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики*, Москва, 1992.

Никитский 1870

Никитский А. И., “Очерки из жизни Великого Новгорода. II. Святой великий Иван на Опоках”, *Журнал Министерства народного просвещения*, 150, 1870, 2-я пагинация, 201–224.

НПК, 1

Новгородские писцовые книги, 1: *Переписная оброчная книга Деревской пятины около 1495 г.*, С.-Петербург, 1859.

ПРП, 2

Зимин А. А., соств., *Памятники русского права*, 2: *Памятники права феодально-раздробленной Руси*, Москва, 1953.

Сквайрс, Фердинанд 2002

Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н., *Ганза и Новгород: Языковые аспекты исторических контактов*, Москва, 2002.

Флоря 2006

Флоря Б. Н., “«Сотни» и «купцы» в Новгороде XII–XIII вв.”, в: *Средневековая Русь*, 6, Москва, 2006, 66–79.

——— 2014

Флоря Б. Н., “Общественная мысль Древней Руси”, в: *Общественная мысль в России и других славянских странах в эпоху развитого Средневековья*, Москва, 2014, 9–140.

Хорошкевич 1966

Хорошкевич А. Л., “Русские грамоты 60–70-х годов XV в. из бывшего Рижского городского архива”, в: *Археологический ежегодник за 1965 год*, Москва, 1966, 325–341.

Янин 1982

Янин В. Л., “Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований”, в: *Новгородский исторический сборник*, 1 (11), Ленинград, 1982, 79–95.

——— 1991

Янин В. Л., *Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий*, Москва, 1991.

DWB, 5

Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm, 5 (электронный ресурс: <http://woerterbuchnetz.de/>; дата последнего обращения: 15.04.2015).

FELDBRUGGE 2009

FELDBRUGGE F., *Law in Medieval Russia* (= Law in Eastern Europe, 59), Leiden, Boston, 2009.

GOEHRKE 1974

GOEHRKE C., "Die Sozialstruktur des mittelalterlichen Novgorod," in: *Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa. Reichenau-Vorträge. 1963–1964* (= Vorträge und Forschungen, 11), Sigmaringen, 1974, 337–378.

GOETZ 1916

GOETZ L. K., *Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters*, Hamburg, 1916.

——— 1922

GOETZ L. K., *Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters* (= Hansische Geschichtsquellen, Neue Folge, 5), Lübeck, 1922.

HR VON 1431–1476, 4

VON DER ROPP G. FRHR., Bearb., *Hanserecense von 1431–1476*, 1/4, Leipzig, 1883.

HUB, 5

KUNZE K., Bearb., *Hansisches Urkundenbuch*, 5, Leipzig, 1899.

JOHANSEN 1953

JOHANSEN P., "Novgorod und die Hanse," in: *Städtewesen und Bürgertum als geschichtliche Kräfte. Gedächtnisschrift für Fritz Rörig*, Lübeck, 1953, 121–148.

LECUB, 5

VON BUNGE F. G., Hrsg., *Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch*, 1/5, Riga, 1867.

LECUB, 13

Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch, 1/13 (в печати; проект Baltische Historische Kommission и проф. д-ра М. Тумзера, Friedrich-Meinecke-Institut, FU Berlin).

LEUSCHNER 1980

LEUSCHNER J., *Novgorod. Untersuchungen zu einigen Fragen seiner Verfassungs- und Bevölkerungsstruktur* (= Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens, 107), Berlin, 1980.

MHWB, 2/1

LASCH A., BORCHLING C., Begr., MÖHN D., Hrsg., *Mittelniederdeutsches Handwörterbuch*, 2/1, Neumünster, 2004.

SQUIRES 2009

SQUIRES C., *Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England* (= Niederdeutsche Studien, 53), Köln, Weimar, Wien, 2009.

ZERNACK 1967

ZERNACK K., *Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče* (= Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens, 33), Wiesbaden, 1967.

References

- Alekseev Yu. G., «Chernye liudi» Novgoroda i Pskova (k voprosu o sotsial'noi evolutsii drevnerusskoi gorodskoi obshchiny), *Istoricheskie zapiski*, 103, 1979, 202–274.
- Bernadskiy V. N., *Novgorod i Novgorodskaya zemlia v XV veke*, Moscow, Leningrad, 1961.
- Feldbrugge F., *Law in Medieval Russia* (= Law in Eastern Europe, 59), Leiden, Boston, 2009.
- Floria B. N., «Sotni» i «kuptsy» v Novgorode XII–XIII vv., in: *Srednevekovaya Rus'*, 6, Moscow, 2006, 66–79.
- Floria B. N., «Obshchestvennaya mysl' Drevnei Rusi», in: *Obshchestvennaya mysl' v Rossii i drugikh slavianskikh stranakh v epokhu razvitiya Srednevekov'ia*, Moscow, 2014, 9–140.
- Goehrke C., «Die Sozialstruktur des mittelalterlichen Novgorod», in: *Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa. Reichenau-Vorträge. 1963–1964* (= Vorträge und Forschungen, 11), Sigmaringen, 1974, 337–378.
- Goetz L. K., *Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters*, Hamburg, 1916.
- Goetz L. K., *Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters* (= Hansische Geschichtsquellen, Neue Folge, 5), Lübeck, 1922.
- Johansen P., «Novgorod und die Hanse», in: *Städtewesen und Bürgertum als geschichtliche Kräfte. Gedächtnisschrift für Fritz Röhrig*, Lübeck, 1953, 121–148.
- Kashtanov S. M., *Russkaya diplomatika*, Moscow, 1988.
- Khoroshkevich A. L., «Russkie gramoty 60–70-kh godov XV v. iz byvshego Rizhskogo gorodskogo arkhiva», in: *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1965 god*, Moscow, 1966, 325–341.
- Kleinenberg I. E., «Livonskoe izvestie o novgorodskom vosstanii 1421 g.», in: *Feodal'naya Rossiya vo vsemirno-istoricheskom protsesse. Sbornik statei, posviashchennyi L. V. Cherepninu*, Moscow, 1972, 104–107.
- Lasch A., Borchling C., Begr., Möhn D., Hrsg., *Mittelniederdeutsches Handwörterbuch*, 2/1, Neumünster, 2004.
- Leuschner J., *Novgorod. Untersuchungen zu einigen Fragen seiner Verfassungs- und Bevölkerungsstruktur* (= Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens, 107), Berlin, 1980.
- Lukin P. V., *Novgorodskoe veche*, Moscow, 2014.
- Martyshin O. V., *Vol'nyi Novgorod. Obshchestvenno-politicheskii stroi i pravo feodal'noi respubliki*, Moscow, 1992.
- Shchapov Ya. N., ed., *Drevnerusskie kniazheskie ustavy XI–XV vv.*, Moscow, 1976.
- Squires C., *Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England* (= Niederdeutsche Studien, 53), Köln, Weimar, Wien, 2009.
- Squires C. R., Ferdinand S. N., *Ganza i Novgorod: Iazykovye aspekty istoricheskikh kontaktov*, Moscow, 2002.
- Valk S. N., ed., *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova*, Moscow, Leningrad, 1949.
- Valk S. N., «Novye gramoty o novgorodskoposkovskikh otnosheniakh s Pribaltikoi v XV v.», *Istoricheskii arkhiv*, 1, 1956, 232–234.
- Yanin V. L., «Sotsial'no-politicheskaya struktura Novgoroda v svete arkhelogicheskikh issledovaniy», in: *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 1 (11), Leningrad, 1982, 79–95.
- Yanin V. L., *Novgorodskie akty XII–XV vv. Khronologicheskii kommentarii*, Moscow, 1991.
- Zalizniak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, Moscow, 2004.
- Zernack K., *Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče* (= Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens, 33), Wiesbaden, 1967.
- Zimin A. A., ed., *Pamiatniki russkogo prava*, 2: *Pamiatniki prava feodal'no-razdroblennoi Rusi*, Moscow, 1953.

Павел Владимирович Лукин, канд. ист. наук

Институт российской истории РАН, Центр по истории древней Руси,
старший научный сотрудник

117036 Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

Россия/Russia

lukinpavel@yandex.ru